
Елена Волкова.
Влюбись в меня.
Это приказ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Елена Волкова

Влюбись в меня. Это приказ

https://litres.ru/74718872
SelfPub; 2026

Аннотация

- Саша, привет. Ты Марка не видел?

Сердечная мышца захлебывается.

- Лана, – привычно выдаю грубоватые нотки. – Вы не вместе приехали?

- Нет.

Встречаемся взглядами.

Что стоит не прорваться больной ране в груди ...

Я не знаю.

Есть выражение «не возлюби жену ближнего своего».

А я возлюбил.

- Мне пора.

Зло сплюнув, иду на место. Сажусь рядом с Давой.

- Чего там? Не получается?

- Мгм, – болезненно смеюсь. – Без вариантов. Марк - генеральский сын. Такого не бросишь. А я -бастард.

Злость заливает глаза. Понимаю, что зря я так. Лана не из тех, кто выбирает по статусу.

Она просто любит. Его.

Елена Волкова
Влюбись в меня. Это приказ

Глава 1.

— Чего ты добиваешься? – голос отца рвет перепонки. – Долго подчищать за тобой буду?

Слепо смотрю перед собой. Молчу. В глубокий затяг курю сигарету. Такой я вот неудобный. С самого рождения. Неуправляемый бастард.

Он что-то мелет еще. Проваливаюсь в вакуум. Мне уже двадцать семь. Как не старайся, не переделаешь. Какой есть такой есть.

— Ты слушаешь?!

— Я ушел. Некогда.

Не глядя, отбиваю звонок.

Поправляю сбрую. Дерьмо, а не бронник. Свой я прое … Потерял. Опираюсь о стену родной конторы. Перетираю эмоции в кашу. Не хрена распыляться.

— Саша, привет.

По позвоночнику льется ток. Кровь мгновенно откатывает из жизненно важных органов и с ревом устремляется в сердце. Трещащая мышца захлебывается. Она сука не справ-

ляется с напором.

— Лана, – привычно выдаю грубоватые нотки.

Встречаюсь с ней взглядом.

Что стоит не прорваться болючей ране в грудине, только черт знает. Бог меня давно оставил. Он не переносит, когда нарушают заповедь «не возлюби жену ближнего своего».

А я нарушил и возлюбил. Теперь жру ведрами кару небесную.

— Ты Марка не видел?

— Вы не вместе приехали? – впиваюсь в нее.

Краснеет. Неловко теребит рукава шубки и опускает ресницы. Отвожу взгляд, чтобы не спалиться. Мысли о том, чтобы набить Марку рожу явно проступают красной строкой на лбу.

Прикуриваю еще одну сигарету. Бросаю смятую пачку в урну. С пяти утра целая улетела. Опять не спал.

— Нет.

Дрожащая слезинка срывается, падает на щеку. И слеза эта … Не могу удержаться. Стираю аккуратно. Такая нежная кожа … Лана вспыхивает. Натянуто улыбаясь, отходит назад.

Почему не моя она? М?

Задубелую шкуру прожигает горечь. Яд выплескивается. Поднимаю раскрытые ладони вверх. Типа, все ок. Не бери в голову.

— Ясно.

В целом Лана девочка стойкая. Волевая и разумная. А сегодня сорвалась.

Что брату надо? Не понимаю.

Любит ведь его.

Криво улыбаюсь стеклянными глазами уставившись в снежное покрывало. Что сказать? Пожалеть? Она не примет. От меня не примет. Я для нее табу. Она для меня тоже.

— Булатов, пора.

Пацаны зовут. Ржут в автобусе. Орлы как на подбор. И я сука с подбитым крылом. Ммм, как же накрыло. Это просто жесть. Почему она? Ведь девки гроздьями вешаются! Любые на выбор. Бери какую хочешь! Какого черта, я спрашиваю.

— Лан, послушай.

Отвлекает шум. Поднимаем синхронно глаза. Во двор резко заезжает бэха брата. Выходит взъерошенный и помятый. Небрежно сует папку подмышку, подняв ворот быстро идет.

— Марк, – зовет Лана.

— О, – растеряно. – Ты здесь?

— А где мне быть? – голос наливается обидой. – Я здесь работаю. Также как и ты, – резко выплескивает.

— Мгм, не ори. Башка болит, – подходит. – Дай подкурить, – здоровается за руку.

Подкуриваю вместо того, чтобы всечь при всех. Хоть бы рубашку сменил долбоящер. Духами прет за километр.

— Где ты был? – требует ответа Лана.

Куда только делась потерянность. Резкая. Взъерошенная и яростная. Марк закатывает глаза. Дебила кусок.

— Я пойду. Разговаривайте.

— Стой, Саш, – хватается за локоть.

Двумя руками держит. Боится, что уйду? Показываю пять минут своим парням. Дава стучит по часам. Дергаю плечами, выразительно давлю — подождать придется. У меня тут треш намечается.

— Лан, не начинай. Я не просто так дома не ночевал. Хватит, малышка. Такая работа.

— Да ты что?! Такой занятой?

— Хватит, – обрубает. – Потом зайди ко мне. Я при брате не намерен разговаривать.

Хлопает дверью. От удара Лана вздрагивает.

Урод. Если не любишь, то отпусти. Чего как собаку держишь?! Колошматит внутри. На эмоциях впервые позволяю себе обнять Лану и прижать. Молча кольцую, качаю и глажу. Так мне нужно сейчас, чтобы отвлечься и не снести Марку табло.

От тонкого аромата кружит голову.

Натягиваю поводья, чтобы не раскроить брату рожу. Семья же …

— Успокойся, – рисую круги в волосах. Хочется стянуть обрезные перчатки и пятерней сгрести волосы на макушке. Задрать подбородок и впиться в губы. Чтобы стереть вот это все! Но я не могу. И это ебучее «не могу» хуже казни еги-

петской. – Не переживай.

— Булатов!

— Да иду я, – ору.

Лана резко отстраняется. Отвернувшись, быстро вытирает лицо. Не смотрит больше.

— Извини. Прости. Все, Саш Я что-то расклеилась. Наверное, там и правда ничего такого.

Быстро убегает.

Сссука! Выбиваю кулаком в стену. Раскатать бы кого-нибудь. Напрочь расхерачить. До крови и фарша.

Зло сплюнув, иду на место. Сажусь рядом с Давой.

— Че там? Никак?

— Мгм, – болезненно смеюсь. – Без вариантов, – ярость рвет мозги. Ярость и желчь. – Это Марк генеральский сын. Такого хер бросишь. А я, блядь, бастард.

Белым заливает глаза. Меня насмерть разрывает. И я понимаю, что зря так. Генеральские сынки это не про Лану. Она просто любит. Его.

Глава 2.

Никакого разговора у нас не случилось. Зайти и вытребовать у мужа ответ не вышло из-за бешеного дня. Мы даже домой приехали в разное время. И чертов праздник еще! Как никогда не хочу никуда идти.

Ругаемся весь вечер.

— Да не ори хоть сейчас! – рявкает Марк. – Чего ты доколебалась?

Рву с шеи его подарок. Швыряю в мужа. Колье рассыпается на мелкие фрагменты.

— Мне нельзя спросить? – выносит из берегов. – Что такого-то? Или Марк Беловодский у нас неприкосновенность?! Какого черта тогда мы все еще женаты?

Муж устало растирает шею. Молча идет к столику, щедро плещет себе виски. А меня все еще трясет от злости. Он никогда не ругается. Огрызается, потом все спускает на тормозах или просто замолкает. Надолго.

Забираюсь в мягкое кресло с ногами. Длинное дорогущее платье не щажу. К чертовой матери мое день рождение! Оно все равно никому не нужно. Подумаешь двадцать пять лет! Стягиваю серьги, бросаю в шкатулку.

— Я никуда не поеду.

— Не глупи, – садится рядом. – Гости ждут.

— Вот и поезжай.

— Лана! Нехорошо подставлять родителей.

Сжимаю зубы. Искоса полирую Марка неприязнью. Вот как так получается, что отрубает в один миг? Из милого сердцу человека получается вот это? Ору про себя! Хлещу его по щекам! Долбаный ты мажор! Закончится это когда-нибудь или нет. Люди взрослеют, почему ты нет?!

— В последний раз, – сверкаю глазами. – Где. Ты. Был.

Откидывается головой на стену. Прикрывает глаза и сдвигает брови. Он ненавидит распросы, но извините. А я ненавижу, когда муж не ночует дома.

— Лан, прости. В последний раз, – ловит руку и целует пальцы. Смотрит как нашкодивший кот. – С мужиками заигрались в бильярд.

— Ясно, – сужаю глаза.

Бильярд.

Пусть будет так. Заслон в груди трескается и сухо осыпается. Вместе с ним осыпается все остальное.

Вскакиваю в кресла. Гребитесь вы как …

Ладно. Рваными движениями поправляю платье. Приглаживаю ладонями прическу. Я пойду на свое сраное двадцатипятилетие, но потом …

Потом будет потом!

— Не злишься?

— Что ты, – натянуто улыбаюсь. – Собирайся. Едем.

— Лан, ты чего исполняешь, – перекрывает путь. Внимательно смотрит, тяжело двигая челюстями. – Я же по-хорошему сказал. Мог бы соврать, но зачем? Никаких баб не было.

— А я спросила о них? – срываюсь.

— Нет. Разве ты не про это имела ввиду? Тебя же клинит от ревности.

— Вот как, – теряю самообладание.

— Я же не кидаю претензии, что Булатов на тебя, как на икону смотрит. Аж слюной исходит.

— Что ты несешь?! Это причем?

Лицо обдает жаром. Зачем Марк так? Мы с Сашей просто

в хороших отношениях. И я не понимаю грязных намеков. Понимаю только то, что Марк без конца называет разными фамилиями себя и брата, словно подчеркивая свою принадлежность к элите.

Все знают, что Булатов — сын от второй женщины генерала. Но в отличии от Марка, Саша никогда отцом не козыряет. У него и работа поопаснее будет.

— Ой, ладно. Я зато не ревную. Все? Мы выяснили? Или дальше будешь орать? Лан, не позорь нас своей истерикой. Едем. Нас ждут. Ты уровень гостей оцениваешь?

Резко отворачиваюсь. На черта мне эти высокопоставленные гости, когда я бы с удовольствием отожгла бы в ночном клубе. Даст мне кто-то такой подарок, м? Нет! Не положено. Мой день рождения всего лишь повод для решения чегототам.

Но я еду.

Внутри срабатывает замок. Доиграю партию до конца. А завтра все скажу Марку. Он правда думает, что я ничего не замечаю и не вижу? Я, мать вашу, не дура.

— Лана, – зовет. Сажает меня в машину. Закрывает дверь. – Кондей включить?

— Нормально все.

Машина плавно трогается. Отворачиваюсь в окно.

Боже. Как мне нравился Марк. В академии первый парень на курс. Лучший на все сто. Веселый, заводной, всегда номер один. И я дура непуганная. Случайно поступившая зубрил-

ка. Думала ли, что он когда-то влюбится. О нас все говорили. Девочки завидовали, желчью плевали. Ненавидели, что достался мне. А я особо и ничего не делала, чтобы покорить.

Эйфория длилась недолго. Пару лет. Последний год вообще испытание. Не ночевать дома после повышения стало традицией. Отмаз – такая работа.

Молча идем в ресторан.

Принимаю поздравления важных гостей. Официанты забирают подарки и цветы. Как только формальная часть проходит, начинаются разговоры. Скукота! Марк делает вид, что ему интересно. Постоянно отвлекается на сообщения в телефоне. На одно из них осоловело залипает и улыбается.

Сволочь!

Резко отодвинув стул, прошу извинить, ухожу на улицу. Накидываю на плечи шубку, кутаюсь. Всем весело сегодня, но не мне.

— Не найдется сигареты?

Стреляю у парней. Кручу ее в руках. Хм. Зажигалку попросить забыла.

Верчу ее, уже собираюсь выбросить.

— С днем рождения, Лан.

Вздрагиваю.

Прямо передо мной стоит Саша. Протягивает огромный необыкновенной красоты дизайнерский букет. От удивления ахаю.

— Саша, какая красота.

— У тебя других не должно быть, – скупо роняет.

Поднимаю глаза, натыкаюсь на внимательный взгляд Булатова. Вспоминаю слова Марка.

Булатов на тебя, как на икону смотрит. Аж слюной исходит.

— Ты очень красивая.

Хрипло выдает. Заболел кажется. Тревожно разглядываю темные круги под глазами. Хочется сказать, чтобы меньше себя загонял на работе, но я не решаюсь. Не мое дело.

Рядом раздаются хлопки салюта. Это так неожиданно громко. Саша мгновенно закрывает собой, утаскивая в безопасную зону за угол здания. Мне и страшно, и смешно. Нервно хихикаю, пока Булатов исследует территорию.

Рядом бахает громкая петарда. Снова подскакиваю, вцепляясь в Булатова.

— Идиоты, – сдавленно хохочу. – Напугали как.

Нечаянно без всякого умысла утыкаюсь в грудь Саши. Судорожно истерично дышу, периодически прыская на эмоциях. Слышу, как колотится его сердце. Бухает как молот по наковальне.

Что-то я не поняла, а почему так колотится-то?

Поднимаю голову и то, что вижу, заставляет меня нервно вздрогнуть.

— Лана, – выводит по скуле подушечкой большого пальца. – Я на минуту зашел.

В глазах столько намешано, что теряюсь.

Господи, что он делает?

Глава 3.

Как прикрутить слетевшую башку назад? Я не знаю! Наглаживаю, не могу остановиться. Грудина снова кровищей исходит. Ядерная черная жидкость расплескивается, собирать не успеваю.

— Лана, я на минуту зашел.

Я и правда на минуту. Меня в целом никто не звал, потому что не принято бастардов на сборища приглашать. Я не в обиде. Пацанячьих компклексов давно нет. Да и не было их. Но не поздравить ее не мог.

Вот и …

— Саш, я не понимаю, – шепчет, доверчиво заглядывая в глаза.

Боится. Она чувствует. Все она знает! Тут дура только не поймет, а Лана далеко не она. Усмиряю рвущее бесиво. Мне надо как-то абстрагироваться от ее запаха, он сука как наркота. Ну не могу я! Как пес служебный натаскан и пиздец. На нее.

Перестаю дышать. Как надроченный щен делаю серию вдохов и выдохов. Она ждет.

Оттолкнула бы что ли …

— Все хорошо, – лыблюсь, натягивая привычную маску. – Думал, еще рванут. Вдруг искры, все дела. А у тебя платье красивое, – бросаю одну руку, освобождаю выход.

Но Лана не выходит.

Так же тревожно смотрит.

Мечется по лицу. Зависает на глазах, скулах, губы – бегло. В глазах ничего кроме легкой ничего незначащий обеспокоенности.

И все бы норм, но она решает коснуться.

— Поберегся бы, – искренне переживает. Совсем чуть-чуть проводит пальчиком. На инстинктах тянуть за теплом дальше. Хочу урвать еще немного. – Синяки, Саш. Не спишь нормально. Не ешь. Девушку бы тебе, – грустно советует.

Меня замыкает. Со свистом втягиваю воздух в легкие.

— Девушку … С моей-то работой, – вместо улыбки, оскаливаюсь. Не выходит по-другому. – Какая выдержит.

Лана пожимает плечами.

Холодно ей у стены. Волосы разметались от ветра. Глазищи сверкают и губы ее пухлые. Невыносимо на них смотреть. Я габаритная скотина, много могу выдержать. Много! Боль. Лишения. Жить без воды и еды. Могу замерзать от холода, плавиться от жары без особых затрат, а вот с ней – ничего не могу.

— Хорошая полюбит, Саш. Не переживай. Найдешь.

— Даа? – закуриваю сигарету.

Смотрю на нее сквозь дым. Облако пропускает образ, как в старом замедленном кино. Так красиво, что мышцы привычно сводит. Ловлю оглушительную волну лютого возбуждения и тут же пригашиваю.

— Дай мне, – просит.

Хулиганка. Ведь не курит же. Балуется.

— На.

Протягиваю. Даю затянуться намеренно из своих рук. Она ледяными пальчиками обхватывает кисть и накрывает губами фильтр. Старательно вдыхает. Не отлипаю от места захвата. Тело не слушается, нечаянно дергаюсь. Губы съезжают и впечатываются в кожу. Ебашит мгновенно аритмия.

— Хватит, – резко выдергиваю.

Лана округляя губки медленно выпускает дым. Твою маать. Твою мать!

Ветер качает фонарь. Тусклый свет периодически выхватывает мраморное девичье лицо. И дым этот из манящих губ. Смыкаю челюсти, не моргая пялюсь на рот. Вот как это выдержать?!

— Вкусно, – шепчет.

— Вишневый табак, – поясняю.

(*автор осуждает курение, но все в праве делать выбор – прим. авт.)

Блаженно жмурится. Слизывает остатки горько-сладкого яда.

Вид такой, будто она со стоянки тачку угнала или что иное нахулиганила.

— Даже не думай начинать, – присасываюсь к фильтру, съедая карамельный блеск.

Вот где вкусно. След ее губ.

— Да я просто, – отмахивается. – Захотелось что-то.

— Вредная привычка, – густо выдыхаю.

Рот тянет в улыбке. Не отказываю себе. Делаю это искренне и с удовольствием. Лана так возмущенно смотрит.

— А тебе не вредная? – выпячивает верхнюю губешку.

Что ж ты делаешь, дурочка.

Закашливаюсь от порнушного вида.

Все. На хер. Надо валить. Слишком пытка затянулось.

Поднимаю воротник, ловлю на пилоте молнию.

— Мне пора. Еще раз с днем рождения. Будь счастлива.

Кивает.

Ловлю очумелое трещание в груди. Один раз. М? Ну один только.

В последний раз? В один только гребаный раз и все! Один!

Хапаю в прицел, тяну ближе. На остатках сгоревшего мозга успокаиваю себя. Все ж по-братски.

— Ой, Саш, – пищит. – Ну и силища.

Втыкаюсь в макушку, набираю отравы впрок. Заталкиваю в рвущиеся легкие. Это на потом. Чтобы по чуть расходовать. По микродозе. Расходовать и выживать на ней.

— Пока.

Задирает голову. Молча снова кивает.

Пошло оно все.

Просто пошло!

Впиваюсь в щеку, сползаю к уголку губ и мне пиздец. Даже этого касания хватает, чтобы слететь с орбиты окончательно. Лана напрягается, замирает и задерживает дыхатель-

ный процесс. Чувствую, как упирается в грудь, аккуратно отталкивает.

На секунду еще раз прижимаюсь, смещаясь чуть левее. Смачно втягиваю и отпускаю. Ничего не остается, чтобы уйти. И я ухожу. Молча. Без всякого на то объяснения.

— Лана! – недовольный голос брата совсем рядом.

Сажусь в тачку. Он с ней. Стоит. Объясняет что-то. Лана на него не смотрит. Она о чем-то думает. Обо мне? Да ну на хер. Если только в моих влажных мечтах.

Глава 4.

Ночь дома еще хуже, чем вечер. Марк напился вдрызг. Это мне наказание за то, что отказалась ехать развлекаться. Нет, я хотела в клуб потанцевать, но не в том формате что муж предложил. Это не мое. Веселье и вакханалия разные вещи.

Протест – вот. Валяется на нашей кровати. Рубашка вылезла из-под ремня. Вторую туфлю даже не снял.

Беру подушку и пижаму. К черту. Лягу в гостиной.

Верчусь без сна. Прямо перед глазами огромный букет от Саши. Вот еще и за него выхватила. Но как не взять такую красоту, а?

Молодец он. Достанется же клад какой-нибудь. Плохо завидовать так, да? Я же замужем. Только вот тот поцелуй не дает покоя. Прячу ощущения в сознании, топлю их. Все равно накрывает. Злюсь на себя. Ничего это не значит. Дружеские объятья. Все!

Дома вот … Подтягиваю покрывало к подбородку. Грустно все стало.

Марк делает все, чтобы убить нас до конца. Секса нет, уважения нет, живем будто соседи. Зачем я ему? Разводиться не желает категорически. Для карьеры нужна семья. Оооой, думаю так будто мы уже не вместе.

Прислушиваюсь к себе.

Странно.

Буквально пару дней назад исходила ревностью. Неужели последний загул Марка так все отсек. Я не знаю. Странные мы женщины. Любим. Терпим. Надеемся. А потом ррраз и отрубило.

Может у меня ПМС? Нет. Точно нет.

— Алло, – хватаю пискнувший телефон.

— Светлана, – властный голос свекра шокирует. Он никогда так поздно не звонил. – Где Марк?

— Спит.

— Разбуди немедленно.

Резко поднимаюсь на диване. Судорожно запахиваю отворот глубокого выреза, комкаю ткань на ключицах.

— Не могу, – признаюсь.

— Почему?

— Марк … Он … – мечусь в поиске ответа.

В ухо втрамбовывается нетерпеливый резкий выдох. Вздрагиваю. Это так на Сашу похоже. Один в один.

— Пьяный?

Молчу.

Свекор тоже молчит. По предплечьям рассыпаются мурашки. Я осязаю приближающуюся бурю. Еще немного и грянет.

— Руслан Эдуардович, я сейчас его разбужу. Он перезвонит вам.

— Не надо, Света, – обрубает. – Мне все ясно. Планы меняю. Будь готова выехать в академию. Это командировка. Задача отобрать лучшие кадры для безопасников. Предложить обучение по защите систем ведомств. Зайди завтра, я подробнее объясню.

Покрываюсь потом. Туда должен был ехать Марк. Обо мне речи не было. Что теперь будет, я не знаю. Но при всем желании такой объем работы сама не выполню. Значит планируется кто-то еще.

— Я одна поеду?

— Нет. Ты будешь не одна.

— С кем? – уточняю.

— Спокойной ночи.

Не отвечает. Кладет трубку.

Падаю на подушку. Туплю в потолок. Что же, командировка позволит немного развеется. Вот только что с Марком теперь делать ума не приложу. Отказаться? Руслан Эдуардович в порошок сотрет. Его приказы не обсуждаются. И в целом в принципе у нас на службе ничего не обсуждается. Такая работа.

Почему все так? Где у нас сломалось? Ну где? Разве нельзя отмотать назад? Я же так стараюсь, почему Марк не считает нужным? Насколько нас хватит не знаю.

Проваливаюсь в рваный сон. Просыпаюсь от звона расколотой чашки на кухне. Иду.

Марк в одном полотенце неровными тычками шлепает по кофемашине. Всклокоченный и злой. С него льется вода. Повсюду мокрые следы. Зажимая виски, матерится.

— Доброе утро.

Встаю перед ним, исправляю косяки на кофейном аппарате. Надув губы, кивает.

— И тебе. Принеси кофе. Я еще полежу немного.

Меня взрывает, когда он уходит. Хлопает дверью, сшибает что-то и снова хлопает. Ну перебор же?! Выдергиваю с мясом шнур из гнезда. Быстро плету косу и собираюсь на работу. Пошел он к черту. Больше свинского отношения к себе не потерплю!

Полностью одевшись, толкаю дверь. Лежит, копается в телефоне.

— Где кофе?

— На кухне. Ты на работу опаздываешь.

— Ничего с ними не случится. Я по делу задержусь. Кто проверять будет? – вызверяется. – Могла бы подождать меня.

— Я не генеральская дочь. Мне опаздывать нельзя.

— Ой, хорошо, – язвит. – Ты моя жена. Язву прикрути!

— Ну ты наглый, – дрожу от злости. – Извиниться не хо-

чешь?

— За что?

Не глядя, продолжает листать что-то. Улыбается. Отвечает. И меня пристально кроет. Хочется нагадничать и спровоцировать. Поэтому бью по больному от обиды.

— В академию я еду вместо тебя, Марк. Твой отец звонил. Не обидно?

Прищуривается.

— Да похер, Лан. Вали давай, – со злостью. – Все валите. А меня оставьте нахрен в покое!

Со всей дури бью дверью. Меня трясет.

Где тот Марк за которого вышла замуж? От него ничего не осталось. Или я с самого начала была слепа?

До конторы доезжаю в полном раздрае. Сразу поднимаюсь к генералу. Даже вещи забываю отнести в свой кабинет.

— Разрешите войти?

— Разрешаю. Заходи.

Сбиваюсь с ритма. Натыкаюсь удивленным взглядом на Сашу. Он что здесь делает? Кивнув, присаживаюсь. Генерал отрывается от документов.

— Это твой напарник, Светлан. Один дурак с треском профукивает свою жизнь. Мажор … – морщится. – Вот тебе второй. Рембо … – кривит рот набок. – Оторву его от дел добротворящих. Кхм! А то вдруг еще справедливости начнет искать. Сроку вам три дня. Каждый день отчитываться. Вот досье тех, с кем нужно решить вопрос в первую очередь.

Ловлю взгляд Саши. Он в таком же шоке, как и я. Или нет?

Глава 5.

Тот же день. Саша.

— Саш, нахуя ты бесоёбишь? – потные перчатки Еремы летят в грудак. Он виснет на канатах, вытирает пот со лба. Валюсь рядом с ним на маты. – Можно было обойтись без жести.

Наощупь тащу полотенце. Лениво кладу на лицо и тут же сдергиваю. Сигареты … Надо бросать. Иначе Ермаков в следующий раз без труда положит. Мы в команде вдвоем до последнего стоим. Ничья. А теперь по ходу моя дыхалочка крякнула.

— Давно, – задыхаюсь, настраиваю дыхание. – Давно такой правильный стал?

Макс хмыкает. Сползает, примащиваясь в угол. Раскачался едва помещается.

— Мгм, – мычит. – Тебе мало дерьма? Хочешь как я в лесочке посидеть? Ждать, пока разрулят?

— Ну ты же сидел.

Поднимаюсь. Толкаю кулаком в плечо. Лениво мажет, отбивая подачу. Макс старший в группе. Прикрыл косяк в очередной раз. Благодарен, но кто бы вещал, только не он. Сам перегибает иногда.

Осекаю себя. Ерема ни при чем. Это мои тараканы и сваливать на кого-то нахер. Зашквар. Так что вовремя затыка-

юсь.

— Хорош, уже. В следующий раз не по жестяку давай, – не обижается.

Киваю.

Пережал, оправдываться все равно нечего. В душе мне не жаль. А нехуй распространять разное дерьмо. Кому-то деньги, а кто-то отъезжает, едва попробовав химическое дерьмо. Ебаные дилеры. Ненавижу мразей. И если Макс в прошлый раз просто сломал лицо подобной твари, то у меня на раздолбанных нервах вышел полный швах. Короче, чел в больничке валяется. Переломами не обошлось.

— Зверев бычит. Мой залет разгреб и опять. Хотя если честно, – хмурит брови. – Я на твоей стороне.

— Знаю.

Жую зубочистку, сквозь расплавленное зрение разглядываю потолок.

— Как Ника?

Спрашиваю и завидую. По душе шваркает иголками. Так херово, хоть рвись на куски.

— Нормально, – блаженно тянет. – Мы беременные, Булатов. Буду батей.

Лыба Еремы сейчас рот порвет. Счастливый до обморока. Хотя, где Ермаков и где обморок. Сравнивая, смеюсь. Пожимаю руку.

— Сколько?

— Четыре месяца, – никак не успокоится, гордо толкает

кулаком воздух.

— Огонь. Я крещу.

— Без базара! – соглашается.

Рад за Макса. Ни один пуд соли сожрал, пока счастье нашел. Все было в жизни: горячие точки, проёбы по службе, превышение и вся херня. Без этого никак. Девушка его кинула в свое время. Побоялась в защиту пару слов сказать. А вот Ника его ничего не испугалась. Приблуда блин. Бегунья на длинные дистанции в тайге. Ха-х!

— Что ржешь?

— Нику твою вспомнил.

— Эй, – получаю тычок в бок. – Не думать понял? Сейчас в репу дам.

Переворачиваюсь на живот. Закрываю голову руками. Во весь голос ржу. Ревнивый долбоёбище. Мог бы паранджу на нее надел. Благо этой кнопке в рот палец не клади. Отгрызет по локоть не смотря на обманный внешний наивняк.

— Вот ты придурок, – подкалываю.

— Да вы задрали на нее таращится. Завидуйте молча.

Вытираю выступившие слезы.

Вот как из сурового медведя получаются ручные мишки. Аплодирую стоя. Очешуительная дрессировщица Ника!

— Булатов, – зовут. Выцеливаю взглядом Мишакова. – Срочно к Роману Эдуардовичу.

В прыжке поднимаюсь на ноги. С хрустом поворачиваю шею.

— К пиздюлям готов? – Макс натягивает майку.

Отдаю пионерский салют из далекого прошлого.

— Всегда готов.

В развалку отмеряю шаги до кабинета отца. Сейчас громовержец начнет молнии рассыпать, а я отбиваться. Ладно. Не впервой мне.

— Разрешите? – стучу. – Здравия желаю, товарищ генерал.

И начинается ебейший пиздец.

Два дебила. Один ебаный мажор, другой берегов не видит. Я очень внимательно слушаю. Не перебиваю и не оправдываюсь. Возражать старшему по званию не рекомендуется. Приказы выполнять быстро и четко, и в целом жопе слова не давали. Грозится сплавить в командировку в академию. Кадры набирать для защиты инфобаз и присмотреть из спортивного резерва парней к нашим бойцам.

— Ты понял?

Включаюсь в ритуал.

— Понял.

Мне в принципе плевать на командировку. Академия так академия.

Реагирую на стук в дверь. Это что такое?

Света?! Она тут что делает?

— Твой напарник, Светлан. Один дурак с треском профукивает свою жизнь. Мажор. Вот тебе второй. Рембо на всю голову. Оторву его от дел добротворящих. Кхм! А то вдруг

еще справедливости начнет искать. Сроку вам три дня. Каждый день отчитываться. Вот досье тех, с кем нужно решить вопрос в первую очередь. Это «мозги», – двигает папку. – Это «бойцы».

Забираю своих предполагаемых.

В башке один вопрос – как я буду там? С ней?

Глава 6.

— Лан, – догоняет Саша. – Давай поговорим.

Внутри екает. Прежде чем уйти с ним на лестничную клетку, оборачиваюсь. Смотрю есть ли уши и глаза. А то у нас бывает, знаете ли. Мужчинам все равно, а вот женщины особо неравнодушные и весьма досужие.

Булатов заводит нас между этажами. Кладу папку на широченный подоконник. Никак мысли не могу собрать. Приказ не нарушить, Марку не объяснить. Он считает, что любой приказ можно обойти. Вряд ли адекватно примет информацию о совместной работе с Булатовым. До рецепторов долетает вишневый запах.

— Ты расстроилась?

— Насчет чего?

— Нашей командировки.

— Ты как сам думаешь? – кошусь.

Затягивается.

— Да.

— Ты правильно думаешь. Я замужем за твоим братом.

— И что?

— Саш, – потрясаю руками. Впервые в жизни признаюсь. – Он постоянно говорит, что … – запинаюсь.

— Ну, – подгоняет.

А я затыкаюсь. Мне неловко. Почему должна объяснять очевидные вещи? Пусть сам скажет. Но судя по металлическому темному блеску в глазах Булатова он реально вне моих метаний. Устало обреченно отмахиваюсь.

Невозмутимо подходит к подоконнику, становится рядом. Скрещивает руки на мощной груди. Дымок вьется. Как в прошлый раз хочется нагнуться и немножко затянуться. Не то, что курю. Все намного проще – меня успокаивает вредный запах. Я какая-то ненормальная.

— Еще раз объясни по-человечески.

Снова кошусь на Булатова. Залип в одной точке. Полное ощущение того, что разговор ему неприятен и я черт знает что надумываю. Было бы так просто все! С досадой убираю выпавшую прядь за ухо.

— Саш! Марк ревнует. К тебе, – выпаливаю.

Ни один мускул на лице не дергается.

Саша молча поворачивается. Прилипаю на могучий магнит. Глаза в глаза. По телу мурашки проливным дождем шпарят.

— Есть повод? – поднимает бровь.

— Букет.

— В духе Марка, – разводит руками.

Соглашаюсь. Я сейчас с чем угодно соглашусь, только бы

эта пытка прекратилась. Горько осознавать, что теряю того Сашу, которого знала. Все переворачивается. Булатов сейчас очень сильно чужой.

— Хочешь, сам объясню, – предлагает. – Или есть второй вариант.

— Какой?

— Откажусь от задания.

— Чтобы тебя уволили? – мягко укоряю. – Руслан Эдуардович закусил удила. Не подставляйся под горячую руку.

Молчит.

Замучившись в конец, слепо смахиваю папку на пол. Ойкаю, присаживаемся вместе. Собираем выпавшие листы. Мне что-то так становится горько, что срываюсь в истерику. Утро дурацкое и обидное. Марк с выкручиванием нервов и все остальное. Почву под ногами размывает. По-детски обидно шмыгаю носом.

— Лана? – настороженно.

Наклоняю голову, небрежно засовываю бланки с фамилиями. Пряди падают на лицо, закрывая обзор. Предательская капля летит на пол. В абсолютной тишине разбивается о плитку.

— Хватит! – рявкает.

Взлетаю на треклятый подоконник. Едва посадив, весомо бросает кулаки по бокам. От неожиданности отодвигаюсь ближе к стеклу. Ледяная прохлада сразу же проникает под форменную блузку.

Саша слишком рядом. Бритый бок виска в паре сантиметров. Щеку жжет огненное свирепое дыхание.

— Сааш …

— Мне ехать? – рычит.

А как скажу не ехать? Это последней сволочью быть. Ведь знаю, что Булатов влетел на последнем задержании. Там командир Ермаков у них отбитый и бойцы как на подбор. Сносят все, что видят. И этот туда же! Зам этого бешеного Макса. Не отстает.

Молчу. Судорожно натягиваю юбку пониже. Задралась зараза. Взгляд Булатова падает вниз. Ноздри раздуваются, и я понимаю — Марк предъявляет не зря. Ведь очевидно же.

Реакции … Их тяжело не заметить.

Признаюсь сама себе и от этого становится больно.

— Послушай, – не своим голосом вывожу. – Отойди пожалуйста подальше.

Хочу себя обезопасить и обезболить. Но в ответ упрямое мотание головой.

Нет?!

— Я не могу так, Саш.

— Как? – зрачки впиваются. – Тебе противно?

— Нет, – вздрагиваю. – Я замужем, Саш.

Мы уже говорим об этом? В голове белый шум. Еще немного и отключусь прямо на подоконнике. Что он от меня хочет?

— Послушай, – прошу.

Набираюсь смелости, чтобы озвучить ему — зыбкое нужно убрать куда подальше и вернуть то, что было до этого. Нейтралитет!

Плохо так поступать. Как потом быть? И жить как? Саша, не мигая смотрит, а я будто онемела.

— Слушаю, Лан.

Снова кольцует. Предплечья прижимаются к бедрам. Сжимаю их сильнее, но места больше нет.

Плаваем в звенящей тишине.

— Да ладно. Все оки. Что работа? – веселый голос мужа прошивает пространство. Идет по коридору в другом направлении, но его прекрасно слышно. Пытаюсь спрыгнуть и уйти. Саша прижимает палец к губам. Не дает. – Забей. Вечером? Сегодня? Смогу. И сегодня, и завтра, и послезавтра. Да норм все. Я свободен три дня. Ага. Как в юности. Давай. Жду звонка. Затусим, как всегда. И слушай, пригласи еще ту, рыжую. Ага. Её! – голос удаляется, становится невнятным.

Привычный лед сыплется по спине. Это все. Это фиаско.

Слепо отталкиваю Сашу. Он ловит и что-то говорит. Я не слышу.

«Ту»?

Ну отлично. Что я первая или последняя? Переживу …

А в целом не так это и больно. Просто кожу сняло нахрен и солью обсыпало.

Глава 7.

— Стой, – втыкаю руку в стену перед Марком.

— Ты че? – отрывается от телефона.

Взгляд как у ненормального. Плавает в предвкушении. Знаю такой загон. Ведет его. Ухватываю в переписке флирт. На аве порнушная девка.

В голову бьет адреналин. Хочется сгрести за грудки и хорошенько приложить брата затылком. Мне бы радоваться, легче Лану будет увести, но я не могу. Мне важно ее личное. Вот это берегу.

— Меня в командировку с твоей женой посылают.

В лоб говорю. Без всяких там.

Понимаю, что это их дела, но Лана не скажет. Мучиться будет, мне проще вывалить.

— О как, – ядовито лыбится. Отключает экран, прячет телефон в карман. – Инфа сотка. А че так прям? Больше некого и некому? – оскаливается.

— А ты очкуешь отпускать? Че так не уверен-то?

Нутряк взрывает. Впервые открыто лезу. Я всегда был в стороне, как бы не полосовало от своей больной ебанутой любви, а теперь не могу. Если бы Марк был хорошим мужем, не трогал бы. Но променять Лану на шваль дебилом надо быть. Марк променял, так что я больше не связан.

Брат со злостью сбивает руку со стены. Бесится. Ненавидяще таращится в стену и молчит. Из кармана бесперебойно звучат сообщения.

— Ответишь? – бычу, как пацан. – Такая ляля пропадает.

— Че ты лезешь? – толкает в грудак. – Че вам всем от

меня надо? Моя жизнь. Или подскажешь хоть кого-то, кто ее не гулял? Это, – показывает в карман, – слив гормонов. Главное дома. Поэтому никуда с тобой Светлана не поедет.

— Тогда иди приказ оспорь. Если переубедишь отца, подтвердишь фактами свою разъебайскую работу, то шанс конечно есть. Я не в претензии. Но если ничего не выйдет, извини, брат.

Глядя в глаза, чеканю. И он понимает, о чем говорю на самом деле.

— Ты охуел? – наклоняется. – Ты сейчас что? Сказал, что Лану уведешь?

— Ты это услышал.

— Я тебя раскатаю.

Закидываю зубочистку в рот. Красноречиво показываю глазами на разрывающийся телефон. Марк кроет матом и выхватывает.

— Че? Сказал все в силе. Приеду. Давай. Да куплю я! Помню все.

И все это в ответ капризному секси-голосу. Реально – ляля.

Что еще надо сказать?

— Раскатаешь? – задумчиво поднимаю бровь. Перекидываю зубочистку из одного конца рта в другой. – Она же тебе не нужна, Марк. Перед отцом жопу прикрываешь? Типа семья, жена, все дела. Не стыдно так девчонку морально насиловать? Она же любила тебя.

— Она и сейчас любит. И я ее. Люблю. Прикинь? Такое бывает. Остальное никого не касается. Шалавы не могут быть в счет. Они не помеха. И ты это знаешь, Булатов. Сколько таких было? – машет растопыренными пальцами. – Счета нет. Все в курсе на счет твоих одноразовых телок. Имя им — легион! Ни в кого же не влюбился, – рявкает. – Вот и ко мне не лезь!

— Очешуительная любовь, Марк. Поздравляю.

Ясно.

Хлопаю по плечу и молча отваливаю.

Очистка совести прошла успешно. Вот морду бы еще раскроить и в целом норм. За нее раскроить. За то, что так с Ланой обходится. И себе заодно! За то, что сделать ни хера не могу и торможусь, как дебил.

— Тронешь, пожалеешь. Не забывай про мои возможности, – угрожает.

Въебать бы. Выбрасываю через плечо «фак». Надо перекурить разговор. Мне от него нервы и шею заклинило.

Дебила кусок.

По пути встречаю парней. Перекидываемся рабочими моментами, у меня голова гудит. Я как в тумане плаваю после откровений Марка и все еще злой как черт. Но как-то выруливаю. Болтаюсь с парнями около часа, что-то выдаю, поддерживаю и даже структуризирую.

Макс косится. В моменте дергает бровями, отрицательно машу. Не сейчас. Нечего объяснять. Да и не хочу. Все мое

пусть внутри останется. Нет охоты делиться ни с Максом, ни с Давой. Я свои чувства к Лане настолько прохавал, что они стали неотъемлемой частью. Так и живу с вросшей в сердце капсулой.

Марк сука. В открытую же все делает. Неужели она к нему никогда в телефон не заглядывала? Отключаюсь от шума в бытовке. Паранойю с утроенной силой.

Стук в открытую дверь заставляет всех замолчать. Выбрасывает из вакуума. На пороге стоит растерянная Лана.

— Можно тебя? – зовет.

Подрываюсь со стула, иду в абсолютной тишине. Снова веду ее в малопроходимое место. Не ради себя, ради нее. Я же ее знаю. Загоняться станет.

— Что случилось?

Лана странно сверкает глазами. Несколько раз порывается сказать и останавливается.

— Лан? – не сдержавшись, беру за руку.

Переворачиваю кисть. На запястье счесана кожа. Наливается бледно-синим. От увиденного крыша улетает напрочь. Безотрывно прилипаю взглядом к ранке.

— Это что? – голос хрипами выходит. – Марк?

Молчит.

Прикрываю глаза, чтобы вдохнуть хотя бы.

Я его сейчас закопаю. Что за сучий потрох? В запале бережно поглаживаю пальцем пострадавшее запястье. Ловить успокоение не получается. Оставить безнаказанным проеб

Марка не могу.

Глава 8.

Бросаю в сумку последнюю вещь. Вроде бы все.

Собралась.

Напоследок застилаю свою половину кровати. Вторая половина не разобрана. Марк не ночевал дома. Такие теперь у нас дела.

В квартире прохладно. Зябко кутаюсь в плед. Есть еще минут тридцать до приезда Булатова. Он самовольно отменил поезд, едем на машине. Мне все равно, потому что не хочу ни о чем думать. Я обескровлена.

Переворачиваю вибрирующий телефон. Марк? Номер чужой.

Никогда не принимаю звонки, но сейчас жму на зеленую трубку.

— Света?

Женский голос.

Внутри снова распускаются иголки. Сжимаю пластиковый корпус. Ведь я же негласно когда-то ждала такого рода звонок. Разве нет?

— Да.

— А вы знаете, что у Марка есть любовница?

Что там приличные женщины говорят в такой ситуации? Не знаю. Цель одна – не зарыдать. И я не рыдаю. Мне кисло до отрыжки в горле. Голос мгновенно садится. Руки трясутся и не слушаются. Надо дышать. Надо просто дышать. Уго-

вариваю себя. Умоляю.

Едва протолкнув лютый комок, делаю тихий медленный вдох.

— Какая потрясающая новость, – ровно отвечаю.

Выходит немного наигранно, мне плевать.

Мочу свободную руку в ледяной воде, прикладываю ко лбу.

— Вы понимаете, что лишняя теперь?

Дыши. Дыши. Дыши!

Смазываю с ресниц потекшую тушь. У меня три секунды разобраться по кому и по чему плакать пытаюсь. По предателю? С удивлением отмечаю, что нет больше любви. Марк ее растоптал. По уложенной в красивую прическу жизни? Так все фикция. По чем спрашиваю?

Обидно как женщине? Вот тут, пожалуй, да.

— Ваши предложения? – спрашиваю.

На том конце подвисают.

Подхожу к зеркалу. Бледная. Расстроенная. На больную мышь похожая. И что? Это теперь твоя жизнь, дорогая. Нужно очень вот так существовать?

— Отдайте мне Марка. Вы его совсем не интересуете. И знаете …

— Забирай, – отрезаю и кладу трубку.

Провалитесь вы все!

В гневе разношу всю квартиру. Бью все, что под руку попадется. Смахиваю свадебные фото. Не боясь поранить ноги,

рву. Наволочки вдрызг! Простыни надвое! Из шкафа все на пол! Куда еще? Сдергиваю занавески с окон. Тяжелая гардина отрывается и разносит все на столике.

В запале бегу в ванную. Все колочу и швыряю.

Отшвыриваю собранную сумку к дверям. Туда же в кучу летит шуба и сапоги. Шуба … Подарок Марка. На хрен эту шубу. Под руку попадается нож. Всаживаю в блестящий мех, с треском раздираю подклад.

Без сил падаю на пол. Дышу как загнанная собака. Но мне становится легче. Легче!

Подползаю к зеркалу, дергаю бумагу из блокнота.

Забудь, как меня зовут! Изменник. Трус. Ты полное ничтожество, Марк. По просьбе твоей любовницы – я тебя отдаю ей! Домой не вернусь. После командировки – развод!

Приколачиваю к стене. Достаю старый пуховик. Спешно надеваю. Квартира мгновенно становится чужой. Забираю документы и всего одну сумку вещей. Все.

Не чувствуя холода жду Булатова у подъезда. Благо Саша приезжает раньше. Молча сажусь в теплую машину и безучастно пристегиваюсь. Саша также молча трогает.

Ничего не хочу говорить. Совсем ничего. Мне пусто, зябко и мерзко. Ради чего я жила? Ради кого?!

— Расскажешь?

Отрицательно качаю пустой гудящей головой.

— Тогда позже.

Тормозит у обочины. Идет к киоску. Пока идет, ловит раз-

девающие взгляды девушек. Так таращатся, с ума сойти. Булатов суровый и красивый, слов нет. Это я вам как объективный зритель говорю, но неприлично же так откровенно. Или прилично, и я уже отупела в своих монашеских рамках?

Одна тормозит и зазывно улыбаясь, протягивает телефон. Просит номер. Саша, улыбаясь, отказывает. И меня почему-то цепляет. Девушка строит умильную мордочку, но Булатов поворачивает ее за плечи и показывает на авто.

Вздрагиваю. Девушка смотрит, закусив губу, словно оценивает соперница я ей или нет.

Да что ж такое?! Отворачиваюсь.

Саша садится в машину. Морозный воздух врывается. Запахиваю пуховик сильнее, мерзну.

— Держи, Снегурочка, – вкладывает стакан.

Неловко перехватываю. Сашины ладони ловят мои, стакан зажимаем вместе. Замираю. Оцепенело рассматриваю красивые пальцы на своих. Ладонь такая большая и крупная. Внутри жесткие мозоли.

Тяну на себя. Не дает.

Вопросительно моргаю.

— Погрею немного. Ледяные.

Коротко поясняет.

— Саш …

— Упокойся, – подмигивает. Снова таращусь на кисти. Костяшки счесаны. Местами глубокие подсохшие царапины. Дрался? – Я без всякого. Хватит дергаться, Ланочка.

Вздрагиваю. «Ланочка». Это дебют.

Чтобы перевести тему и абстрагироваться от смятения, спрашиваю.

— Познакомился? – намекая на девушку.

Боги. Зачем мне это?! Но спросила уже. Саша пристально смотрит. Так пристально, что становится жарко.

— Нет. Мне неинтересно.

— Почему? – продолжаю дурацкий допрос.

— Потому что самая красивая здесь сидит. Остальные не интересуют.

Отпиваю глоток. Саша улыбается. Помогает пристегнуть ремень и плавно трогает машину. Вбиваюсь головой в кресло. Ой, что-то несет меня по скоростной трассе на самом высококачественном топливе.

Из огня да в полымя.

Плаваю в мелодичной композиции. От нахлынувших эмоций почти отключаюсь. В какой-то момент ловлю вкусный мужской аромат, горячее дыхание на щеке и спинка кресла опускается вниз. Мягкое накрывает ноги. Музыка становится чуть глуше. Проваливаюсь в пушистое покрывало сна.

Как умеет любить хулиган. Как умеет он быть покорным… (*Сергей Есенин – прим. авт.)

Кто-то отжигает репчик на известные стихи. И кто-то душевно подпевает. А потом моих губ касается что-то.

Ммм. Вкусно.

Глава 9.

Огонь! Что еще сказать.

Если не знать ситуации в целом, то можно предположить, что все мной подстроено. Зашибись!

Пинаю по колесу. Гадство! Лана крепко спит. Только это сдерживает, чтобы не заорать во всю луженую глотку.

Мой зверь сломался.

Сердито рыкнув, заглох как старая телега. Сам не справлюсь, надо сервак искать. Прикидываю время. Вынужденная ночевка в городе не помешает. По графику в академию успеваем в любом случае. Осталось только дождаться попутных тачек, чтобы дернули.

Сдвигаю шапку за затылок, чешу маковку. Поехал короткой дорогой. Вот на кочках мой зверь и отгребнулся. Связи нет. Ни хера нет. Все отлично.

Умываю горящее лицо чистым снегом. Хотя бы тепло и бензa под завяз. В багажнике еще канистра валяется.

— Саш, – зовет Лана.

Проснулась. Натягиваю улыбку, иду к ней. Такая милая. Я ее после сна впервые вижу. Девочка совсем.

— Что случилось?

— Придется посидеть здесь. Сломались.

— Оу, – хлопает глазками. – И что же делать?

Развожу руками. Мой прокол. Признаю, но транслировать очевидное отказываюсь. Поэтому немой по сломанной теме.

— Есть хочешь?

— Так я не брала ничего, – растерянно озирается.

Лезу назад. Достаю увесистый пакет. Показываю.

— Я взял.

— Саш, – подозрительно.

— Прекрати, – приказываю. Потому что правда взял на всякий случай. Ненавижу кафехи. Там жрать невозможно. – Мои суровые реалии. Называются «позаботься о себе сам».

Достаю блинчики с фруктами. Угу. Для нее делал. Ночью не спалось, вот и ваял. Но знать Лане об этом необязательно. Сорваться во вранье «о себе сам» проще.

Откусывает. Капля сока падает на подбородок. Глаза расширяются и блестят. Нравится. Сползаю взглядом на каплю. Слизать бы ее, но нет.

— Ооо, как вкусно.

Закидываюсь сам. Вяло жую. Нет аппетита. Кормлю девочку всяким побольше. Наливаю апельсиновый сок.

— Попробуй это, – протягиваю кусочек мяса. – С соевым соусом и кунжутом.

— Саш, – жалобно смотрит. – Я все. Мне некуда.

Глаза какие лучистые. Тонуть бы в них без всяких ограничителей.

Залипаю. В машине жарко. Играет что-то надрывное. Мы все в свертках и салфетках. Вся торпеда в едальной хренотени. И меня не бесит. Сроду не кормил никого, ни для кого не готовил, для нее хочется. Особенно когда вот так смотрит.

Стираю с пухлых губ салфеткой.

— Я неряха, да?

Смущенно проводит вслед за мной по щеке. Качаю головой. Как объяснить, что там ничего нет. Мне просто все время ее хочется касаться.

Пой мой друг, навевай мне снова. Нашу прежнюю буйную рань. Пусть целует она другого. Молодая красивая … (С. Есенин, в машине у Саши постоянно играет новшество в музыке на стихи поэта, сейчас очень популярное – прим. авт.)

Аааа! Сссука. Переключаю волну. Сдерживаю внезапных внутренних демонов. Не будет она другого целовать больше.

— Нет. Конечно, нет, Лана. Хочешь погулять?

Вокруг лес. Такая красота глаз не оторвать. Я очень хочу, чтобы она развеялась. И вообще хочу бросить все, увезти ее в дом Макса в глухую тайгу. И не выпускать, пока не влюблю в себя до последней капли крови.

Живые кадры меняются в голове со скоростью ветра.

Она. Кровать. Баня. Объятия. Губы. Губы. Нежная покачивающаяся грудь.

Глотка вздрагивает. В ней будто кол застревает. Рискованно сейчас со мной Лане. Пиздееец. Как бы не сорваться. Не напугать.

— Так что? – смотрю мимо.

Возится.

Плотнее запахивается и надевает шапку.

— Идем. Только не далеко.

Веду в лес. Чтобы разрядить обстановку дергаю ветки густо засыпанной ели. Лана по-девчоночьи пищит, отскакивая.

Ловлю, чтобы не упала. Попадаем под сверкающую лавину. Сверху снегом бомбит еще и еще. Смеемся, едва вылезаем из плена.

— Смотри! – шепчет.

Недалеко лиса. Прыгает по снегу с размаха втыкаясь мордой. Охотится. Лана замерев наблюдает. Одна нога тихо скользит. Подхожу, обнимаю со спины, чуть прижимаю чтобы не упала пока разглядывает. Но даже через слои одежды чувствую, как напрягается спина.

Сколько, м? Сколько еще кругами ходить? Ну не могу я больше!

Нахожу ушко, вжимаюсь горячими губами. Они уже зудят от желания. Мне в целом рвет крышу по полной программе. Как затормозиться, не знаю.

— Не бойся меня. Я никого не пытаюсь заменить. Ты для меня очень ценная, Лан.

Молчит.

Целую скулу. Без пошлости. Без напора. Просто касаюсь и понимаю – мне мало.

Лана разворачивается. Влезает на пень, ловит мой фокус, внимательно смотрит. Я не понимаю, что в нем. От близости последние ориентиры срывает. Затуманено плыву в ее взгляде.

— Я знаю, Саш. Я догадалась.

— И что теперь? – прижимаюсь лицом. Веду своими губами по ее чувствительному рту. Трусь, как псина. Впервые

открыто показываю настоящее нутро. Она не отталкивает. – Я люблю тебя, Лан. Уже давно.

Пальчики царапают мою щетину. Обхватываю, снова целую чуть горячее.

— Саш, – расстроено выдыхает.

Мотаю башкой. Вот не надо так. Не надо меня жалеть. Не подхожу? Молча отшатываюсь. Ловит, прижимая назад.

И мое раскрошенное сердце начинает стучать вновь.

— Саш. Поцелуй меня. По-настоящему.

Глава 10.

Молча разглядываю мужественное лицо Саши. Он очень красивый. И глаза его … Марк так никогда не смотрел. Если только в самом начале отношений и то, было другое. В глазах Булатова зажигательная смесь.

Раскаленный прут внезапного сильного стыда втыкается между лопаток. Я замужем. Замужем.

Нельзя.

Да?

Но Марку же можно. Нагло втоптывать в грязь и изменять со всеми подряд. Наш брак давно уже фикция. Ноздри Саши хищно вздрагивают. И я тоже вслед за реакцией тянусь. Если Булатов хищник, я просто пугливая жертва.

— Ты хочешь? – пытливо урчит.

На глазах меняется облик.

Что хочу? Затяжно моргаю. Пальцы Саши касаются моих губ. Точно. Поцеловать.

Вяло пытаюсь выпутаться из тягучего сиропа, куда рухнула с головой. Так внезапно и трепетно все. Сама своей же просьбы пугаюсь.

Но мне хочется.

Прости меня небо! Мне хочется. Не в отместку, чтобы грязно обелиться после загула Марка. Нет. Дело не в этом. Качаюсь в боязливом желании и противостоять ему мочи нет.

Молча киваю.

Наблюдаю, как пушистые ресницы Булатова падают. Как заостряются его скулы. Как его ведет. Это так завораживающе. Не могу оторваться от потрясающей чувственной метаморфозы. Боже! Только он может выдавать столь мощнейший симбиоз суровой брутальности и потрясающей нежности. Это все для меня? Для меня же …

Значит, он … меня … Это правда …

Руками как цепями опутывает. Прижимает плотнее. Теплой ладонью обхватывает затылок.

— Лана, – лбом вжимается, – если я тебя поцелую так, как хочу, – в ухо проникает богический голос, волнующий, низкий, хриплый. От его тембра тело перестает слушаться. Скручивает в спазме. – Уже назад не отмотать. Понимаешь? – бережно ведет костяшками по щеке.

Трогает губы, слегка нажимает. Совсем чуть задевает своими губами рот. От контакта импульсами бьет по подгулявшему слегка захмелевшему телу. Мы вместе непроизвольно

меняем позы. Напряжены до предела.

— Понимаю.

— Мгм.

Еще касается.

Прихватывает и тут же отпускает. В груди распирает воздушным шариком. Манипуляции Саши очень волнующие. Тело перестает слушаться. Оно бушует и штормит. Оно все забывает, что было «до».

— Ты не понимаешь, что значишь для меня.

Не успеваю переварить сказанное, сметает жадным захватом.

Саша ураганом обрушивается. Сминает. От тарана мои глаза широко открываются. Покачнувшись, обхватываю крупные плечи. Булатов вдавливает, кольцует еще теснее. От напора оседаю, я его не могу выдержать. Это сверхчувственно. Меня так никогда не целовали. Никогда. Я почти теряю сознание.

Спина мгновенно потеет. Пальцы не слушаются. Отрываюсь, пробормотав что-то нечленораздельное. Втыкаюсь в крепкую шею, жадно хватаю воздух. Мне жарко. Мне огненно и стыдно.

— Прости.

Себе говорю или ситуации, не знаю. Все мысли сгорели.

— Не говори так больше.

— Саш, я еще замуж …

— Тихо, – закрывает рот. – Не надо. Это не брак, Лан.

Уже все.

Взволнованно вздыхаю. Простить Марку загулы не могу и больше не хочу. Нам нужно развестись. Нечего больше склеивать. Разбитую чашку не собрать, но мне чертовски стыдно. Я как последняя дура, не успев отлипнуть от Марка, упала в руки его брату.

Кто после этого?

— Переживаешь?

— Мгм, – признаюсь.

— Ерунду не говори.

Саша тихонько качает меня. Гладит то по спине, то по голове. Движения размеренные, неспешные. Будто я уже его. Борюсь с собой. Каюсь, ищу оправдания.

Ведь на самом деле нас с Марком уже ничего не связывало. У него другая женщина. Саша был всегда рядом со мной. И между нами постоянно витало что-то недосказанное. Так что все закономерно. Да? Дааа?!

Господи. Рука-лицо просто.

— Лан, что бы ты не решила. Я всегда буду рядом.

— Спасибо, – шепчу.

— Только теперь извини. Думать о том, что ты пока что замужем за Марком не стану. Он сделал выбор, я тоже делаю.

— Не знаю, что сказать.

— Ничего не надо. Тебе достаточно знать о намерениях. Мучится переставай, – целует в нос. – Ваши печати в паспорте ровным счетом ничего не значат. Для меня …

Замыкает, как заклинившую проводку. Мир переворачивается с ног на голову. Зависаю посредине.

— Саш, я не хочу торопиться.

— О том не прошу, – напряженно.

— О чем тогда? – заглядываю в глаза.

— Ни о чем, Лан. Теперь я приду и заберу свою женщину. Клянусь, если бы ты любила Марка, не тронул бы. Теперь нет.

— Как резко … – растерянно собираю буквы в слова.

— Нет. Резко это вот так. Влюбись в меня, Лан. Это приказ!

Лечу снова в пропасть. Крыльев нет. Они сгорели. Я не падаю, не разбиваюсь.

Булатов ловит.

Глава 11.

Пока Саша привязывает трос, стою и нервничаю. Она снова звонила. И снова просила подарить ей мужа, уйти с дороги. Швырнула трубку. Любуюсь на голое фото. Совместное! Вместо нытья и жалости ощущаю небывалую злость.

Иди ты к черту, Марк. Пошел ты! На него злюсь больше и зло пустое какое-то. Будто на ошалевшего от безнаказанности ребенка гневаюсь.

Пинаю горку снега.

Булатов оборачивается. Вопросительно смотрит. Пожимаю плечами. Не нужно ему знать. Я сама. Теперь я сама.

— Скотина.

Ругаюсь сквозь зубы.

— Лана, иди сюда.

Манит пальцами. Спешу сесть в машину. Отсекаю от себя лишнее. Вот так просто, да. Мне надоело оправдываться. Ни черта больше не чувствую.

Булатов раздетый. На нем лишь футболка. Дубленка валяется на заднем сиденье.

— Придется подождать, Лан. Сейчас дотянут. Там сервак. Детали есть, но станем на очередь. Будем ночевать. Я пробил. Гостиница при серваке приличная.

В запале принимаю информацию юзом. Ночевать? Да и ради бога. Я сейчас и не то согласна, потому что вот так! Провалитесь все со своими осуждающими лицами.

Телефон вздрагивает. Сбрасываю звонок Марка. Не хочу не видеть не слышать.

Бульк.

«Не позволяй себе лишнего!»

Сволочь.

Кто бы говорил! Совести нет совсем. Он что надеется, что все сойдет с рук? Я больше не приеду в его квартиру. Моего там больше ничего нет. И нас больше нет тоже.

Бульк.

«Ты пожалеешь, Лан. Я тебе голову оторву»

— Что там? – хмурится Булатов.

— Прошлая жизнь, – выдыхаю.

ПРОШ-ЛА-Я!

— Дай, я сам позвоню.

Не трудно догадаться кто беспокоит, так ведь? Ну, конечно. Для Саши мелочи.

— Не надо, Саш. Смысла нет.

Выезжаем из снега. Дорогу прилично замело. Нас тащит огромный РАМ. Не мигая, наблюдаю как метр за метром вылезаем из колеи. Вот так и я сейчас. Вытягиваюсь из оврага, оставляя там поганое обидное прошлое.

Ни за что и никогда больше! Пусть муж катится и оставит меня в покое. Внутри все орет и бесится.

— Ты очень громко кричишь.

С удивлением поворачиваюсь. Саша рулит, мрачно уставившись в лобовое. А мне хочется обнять его как было час назад и успокоить вздыбившуюся шерсть. Но я не смею.

Зато Булатов смеет. Властно берет мою кисть и подносит пальцы к губам. От того, как целует каждый пальчик впадаю в необъяснимый анабиоз. Плыву в сиропном тумане, забывая обо всех неприятностях. Все кажется мелочью.

Так бывает?

— Лан, – зовет.

— М?

— Давай просто … – вздыхает. – Давай просто побудем в командировке. Давай проще, а? Не загоняйся.

Аккуратно вытаскиваю пальцы. Попутно задеваю небритый подбородок. Саша тянется вслед за рукой, трется. Залипаю на брутальном мужике. Рассматриваю его как дорого-

стоящий экспонат. Огромный тихий хищник. Ведь сожрет и не подавится. Это со мной Саша такой терпеливый и внимательный. Но я знаю его другого.

Несдержанный. Резкий. Грубый. Дерзкий.

И честно? Мне не хватает именно такого сейчас. Сама я ни в жизнь не решусь проявить инициативу.

— Саш, я попробую. Только по обещай мне одну вещь.

— Давай, – скупо улыбается.

— Не будь медвежонком, – заливаясь краской, прошу.

— Чегоо? – неожиданно удивленно улыбается.

Такая непосредственная реакция. Это так ценно поймать открытую эмоцию. Редкость же. Повторяю просьбу.

Саша удовлетворенно кивает. Одной рукой обнимает за шею, притягивает к себе. На миг жадно впивается в губы. Дурею от внезапности. Ошалев, часто моргаю.

— Ты сама попросила, Лан.

— Да.

— Не боишься?

— Чего?

— Я могу быть … ммм … – машет пятерней в воздухе – наглым и напористым.

Серьезно смотрит, а в глазах азарт. И такой он сейчас … Ох, какой! Необъяснимый. Кровь становится чуть гуще. Сильными толчками разбрызгивает неизвестное предвкушение. Я не хочу от него отказываться. Не хочу. Прокляните меня все. Я всего лишь человек. Обычный и слабый. А Саша

… Саша — мощь.

— Разберемся как-то с этим, – медленно выговариваю.

— Да? – с затаенным предупреждением. – Правильно понял?

Медленно-медленно киваю. Хрипло выдаю.

— Да. Правильно.

Боже. Что я делаю? Я разбудила медведя. Собственно, он и не спал. Медвежонок — это скрытая опция Булатова. И она, как понимаю, в действии лишь для меня была.

Боже мой. Натягиваю горловину свитера выше. Спрятаться что ли? Или уже поздно.

Глава 12.

— Твой номер, – отдаю Лане ключ.

Не хочу смущать. Того что было — для нее достаточно. Пережать не мое ни разу. Пусть выдохнет. Есть девочки, с которыми надо быть максимально осторожными. Беречь нужно. Не скрою, тяжело, привык, что все гораздо проще решается. Но мой случай особенный. Особенный! Впервые в жизни не хочу спешить, хочу нести ответственность и принимать здравые взвешенные решения. Очень мотивирует слово «навсегда».

— Держи, – вкладываю в ладонь.

Опустив глаза, молча кивает и скрывается за дверью.

Ладно. Ладно. Все впереди.

Медленно выдыхаю, ухожу к себе. Можно было замутить

брехню «номер один и все дела». Только зачем? Лана не разовая девушка, она из другого мира. Королевам полагается выбор и свобода. Зачем унижать неправдой? Моё ко мне придет. Пусть не сразу, пусть позже. Соль в том, что выстраданное слаще и надежнее.

Бросаю шмот на кресло. Стягиваю обувь, валюсь на огромную кровать. До утра здесь.

До утра умирать от пыток, зная, что Лана за стенкой принимает душ, стирает мокрые капли с роскошного тела, спит без одежды. Умирать, понимая, что целовать в тачке это одно. Говорить что-то. Вот трогать на простынях это … Ш-ш-ш …

Мучительно вбиваюсь затылком в кровать. Сжимаю зубы. Ноет все, просто треш. Скручивает. Впору грузы поднимать, не сломается. Кадры голой Ланы, как назло, вспыхивают с завидной ясностью и четкость. Все вижу!

Душ. Струи. Мурашки по груди от прохлады. Волосы ее … По спине толстыми влажными змеями спускаются … Ммм … В паху обливает кипятком. Слепо таращусь в потолок, загнанно дышу.

Можно встать, можно ворваться и не быть медвежонком, но не то. Все не то. Мое желание, а нужно чтобы она сама хотела. Сама! На меньшее не согласен.

Думай о другом, Саша. Думай! Натягиваю подушку на лицо.

Поломка некритичная, детали есть, в очереди стою. Так

что есть время, чтобы утащить Лану в город поужинать. Согласиться же? Должна.

Забирает нутряк. От избытка не знаю куда деться. Шпарит по венам адреналином. У Ланы не губы, это погибель моя. Она вся моя погибель в прямом и переносном смысле. Но какая же желанная и сладенькая.

Чертова русалка, защекотала все-таки. Зачаровала и заманила. Заклеймила любовью навечно.

Взбиваю постель. Уплываю в мечты, где буду спать с ней. Как и что буду делать. Хватает ровно на минуту, чтобы потечь крышей.

Твою мать, Булатов. На сколько тебя еще хватит.

Сколько терпения еще в запасе, м? Всю жизнь копил, чтобы использовать запас на одну женщину. Потому что с другими … п-ф-ф-ф, лучше не вспоминать, что было с другими. По пятибальной шкале минус сто.

Стягиваю футболку, расчехляю ремень. Носки летят в угол. Болт на джинсах расстегиваю, заторможенно тяну молнию. Деним оседает на бедрах. Прежде чем свалить в душ под ледяную воду, гребу сигарету со столика. Курю в распахнутое окно.

Завтра отбирать бойцов. Сманивать. Обещать перспективы. Их до хера у нас, но по-настоящему стойких пацанов мало. Пробуют и бегут. В аналитику проще набрать. И куда они без нас тогда? Короче, надо колотить молодых и борзых. Лепить команду. Говорят, у меня хорошо получается. Па-

ра-тройка выездов, потом на «посерьезнее» можно сватать.

Мысли плавно текут. Успокаиваюсь. Прикидываю, что делать дальше. Нужно еще в пару горячих «командировок» смотать и все норм. По финансам вопрос будет закрыт. Да это риски. Но другого делать не обучен. Я обучен быть на … Ладно, это неважно.

Такая работа.

Главное, чтобы Лана не узнала мою вторую сторону. Не за чем. Ей так будет спокойнее. Для нее я буду «медвежонок».

— Саш! Саша! – глухой взволнованный голос и стук в дверь.

Срываюсь с места. Она.

Лана очень испугана, через дверь чувствую. Внутри начинает шмонать и рвать. Кто обидел? Какая тварь зашла к ней?

В пару шагов перемахиваю номер.

Дверь на себя. Гребу и сразу укрываю своим телом. Лишь потом соображаю, что она мокрая и в одном полотенце. С волос бежит вода. Губы белые, трясутся. Глаза обезумевшие. Меня красным покрывалом накрывает. Глажу, стираю с лица воду.

— Все. Все, все! – успокаиваю.

В башке молотит. Кто тронул? Я же поломаю сейчас. Руки вырву. Ктооо?!

— Там … – заикается. – Там!!!

— Ш-ш-ш. Что там? – обхватываю лицо. Чуть сжимаю, чтобы пришла в себя. – Детка, что там?

— Саш, – быстро облизывает губы. Вцепляется в плечи, выкручивает кожу. – В ванной … в углу … мышь жуть! Как прыгнет на меня. Я их до смерти боюсь!

Сссук. С души сваливается камень.

Вот что мне делать? Плакать? Смеяться?

Без слов поднимаю, сажаю себе на поясницу. Она обнимает и прижимается. Перехватываю под ягодицами и …

Стою не моргая.

Она голая. Совсем. Чувствую, как раскрытые губки влажно касаются моего воспаленного пресса. Прихожу в сознание частями. Под ладонями голая упругая задница. Полотенце сползло и напряженные соски вдавливаются в кожу.

Оставшийся мозг стекает в трусы. Там стальной стояк. Дубиноломный.

Лана трясется, ерзает по мне, отходя от испуга. А мне просто полный «шизгарет».

Сжимаю голую попочку ладонями. Ищу взгляд, а когда нахожу, понимаю.

Лана от меня не выйдет. Она останется здесь. В моей постели.

— Я с тобой, – хриплю в ее губы. – Не надо бояться.

Глава 13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.